Николай КАЩЕЕВ,
директор аналитического
департамента, Промсвязьбанк

Уроки истории: перед экзаменом?

Чем дальше мы углубляемся в лабиринты прекрасного нового мира, тем больше обнаруживается пусть и не прямых, но все же параллелей с тридцатыми годами XX века. Так ли это на самом деле, или же таков эффект алармизма, подпитываемого страхом перед будущим?

Если таковые параллели и впрямь наблюдаются, то они, безусловно, имеют сегодня значительные стилистические отличия — но ведь и история в точности, слава богу, не повторяется. Ожидать точного повторения наивно, и это отдает мизантропией: история мало кого учит, конечно, но люди все-таки не должны быть уж настолько глупы. Однако ползучее наступление склонных к авторитаризму политических вождей разного калибра, неудовольствие и разочарование по поводу прежних политических, социальных и экономических моделей, созданных «хорошими парнями», упорно остающиеся с нами отголоски и фобии Великой рецессии, всевозможные дрязги и расколы, сотрясающие мир «атлантической демократии», и слабость его лидеров, ожесточение борьбы «старого» и «нового» миров как по географическим фронтам, так и внутри электората тех или иных стран всё более заметно раскачивают нашу общую лодку.

По мере того как СССР и социалистический лагерь забываются, уходя все дальше в прошлое, разочарование в том, что называется демократией и американской мечтой, становится реальностью. Это было особенно ожидаемым во время президентства Дж. Буша-мл. с его склонностью к внешнеполитическим авантюрам. «Миротворцу» Б. Обаме достался другой сложнейший конфликт: пост-постмодернистского общества с доживающим свое обществом модерна в лице беби-бумеров и тех обитателей «ржавого пояса» в широком смысле, которых пренебрежительно называют реднеками (red necks — красные от загара шеи). Этот конфликт обострился на фоне многолетней стагнации доходов основы общества — среднего класса и его дальнейшей эрозии. Разочарование — вот, похоже, главная эмоция, которая отмобилизовала часть Европы в 1930-е годы для похода в никуда.

Наш мир после Первой мировой войны так же грезил приятными переменами, как много лет спустя, в 2007-м и чуть в меньшей степени — в 2014 и 2015 годах, но эти перемены никак не наставали, по крайней мере, для слишком многих. Зато для всех настала Великая депрессия. Затем — сами знаете, что из этого получилось.

Принято считать, что Вторая мировая война случилась по геополитическим причинам в большей степени, чем по экономическим. Но, по нашему мнению, отделить одни от других практически невозможно, да и вряд ли разумно.

Авторы из некоммерческого Института американской истории Гилдера и Лермана в публикации под названием «Великая депрессия и Вторая мировая война, 1929–1945 гг.» всего в одном абзаце удивительно емко описали этот исторический мостик, который связывает войны начала XX века, Великую депрессию и — через параллели и аллюзии — наши дни.

Вот этот абзац: «Соединенные Штаты приняли очень ограниченное участие в Первой мировой войне, но этот опыт оказался достаточно болезненным, чтобы американцы решительно развернули свою страну в сторону закрытости в 1920-е годы. Они разоружили свою армию и быстро демонтировали национальную военную машину. Сенат Штатов отказался ратифицировать Версальский договор (о капитуляции Германии и репарациях. — *Авт.*) и отверг возможность участия в нарождающейся Лиге наций (прообразе ООН. — *Авт.*). Конгресс в 1922 году фактически закрыл американский рынок для иностранных торговцев с помощью тарифа Фордни — МакКамбера, одного из самых высоких в истории США, за которым через 8 лет последовал тарифный акт Смута — Хоули. Вашингтон также настаивал, чтобы европейцы полностью выплатили все займы, предоставленные им Минфином США во время войны. А в 1924 году государство впервые в своей истории ввело жесткие ограничения на число иммигрантов, которым было разрешено въезжать в страну в течение года. С военной, дипломатической, торговой, финансовой, даже моральной точки зрения американцы, таким образом, повернулись спиной к внешнему миру».

Тем не менее такое, на первый взгляд, плотное закрытие Штатов для остального мира было не совсем полным. Эта «почти автаркия» — совсем не сюрприз! — в наименьшей степени касалась, например, финансового сектора, в тот момент пользовавшегося примерно такими же вольностями, как в 1990-х годах и в первую декаду XXI века, вплоть до 2009 года. Да и экономический бум, наступивший перед Великой депрессией, еще менее способствовал сохранению этой рефлекторной самоизоляции. Но вскоре последовала вторая попытка решительного введения протекционизма: см. акт Смута — Хоули...

Великая депрессия многое изменила: она накрыла основных экономических игроков того времени и постепенно поменяла почти все привычные правила экономической игры на всех континентах.

В начале 1930-х годов в Германии, которая в 1920-х вновь после Первой мировой вернула себе на время статус важнейшего экономического центра мира, разразился жестокий банковский кризис. И без того неожиданно слабая банковская система страны, которая с 1924 года, казалось бы, наслаждалась монетарной стабилизацией, наступившей с возвращением золотого стандарта и рейсхмарки, но не могла при этом выработать правильные процедуры риск-менеджмента, получила дополнительный удар в виде массового оттока прежде охотно выдаваемых иностранных займов. Кроме частного сектора немецкое правительство заняло довольно много денег в Лондоне и Нью-Йорке различными путями: в том числе через выпуск облигаций, платежи по которым полностью прекратились чуть позже — в памятном 1933 году. Но самым важным — политически и стратегически — был заем немецкого правительства у консорциума 22 американских банков во главе с JPMorgan, осуществленный согласно так называемому плану Доуса. Заем имел предельный размер 200 млн тогдашних долларов, или около 3 млрд современных. Для сравнения: ВВП США в те годы составлял около $100 млрд 1929 года, или примерно 1.5 трлн современных долларов.

Государственный внешний долг Германии в 1931 году достигал примерно 750 млрд современных долларов (около 50 млрд долларов 1931 года.) Всего прямой и непрямой (в виде гарантий и т. п.) долг Германии кредиторам из США составлял ни много ни мало 20% американского ВВП! Дело в том, что между 1924-м и 1929 годами Германия была способна массированно занимать деньги на рынках капитала на выгодных условиях благодаря как раз плану Доуса.

Вот в чем он состоял. В 1924 году из-за неспособности Германии платить репарации по итогам Первой мировой войны согласно Версальскому договору был разработан специальный международный план по решению этой проблемы. Комиссию, собранную для его выработки, возглавлял американский законодатель по фамилии Доус, а также в нее входили представители бывшей Антанты из ряда европейских стран — получателей репараций. Комиссия придумала необычное для нынешних времен решение: бремя взимания долга Германии де-факто переходило из зоны ответственности правительств консорциуму американских банков. Они выдавали Германии кредит (те самые $200 млн), который должен был некоторое время поддерживать выплаты репараций. Заодно французская армия ушла из важнейшего немецкого промышленного района — долины Рура, чтобы позволить Германии развиваться и платить по долгам.

В результате в Германии (и бывшей Австро-Венгрии заодно) начался впечатляющий долгожданный рост экономики, привлекший внимание иностранных инвесторов, в основном из Англии и США. В 1929 году план Доуса считался в основном выполненным, и на его место должен был прийти план Янга, который в целом существенно снижал бремя репараций. Но 1929 год — старт Великой депрессии — сделал его бессмысленным. А в 1933 году в Германии к власти пришел Гитлер и прекратил вообще все внешние выплаты.

Итак, что случилось в Европе и мире в начале XX века и как это соотносится с событиями нашего времени? В Таблице 1 хронология сразу двух веков.

События начала XX века концентрируются вокруг двух войн (некоторые считают их двумя «сериями» одной войны) и Великой депрессии, события начала XXI века — вокруг краха соцлагеря (еще в XX веке) и Великой рецессии.

Великая депрессия охватила Европу после некоторого периода относительного процветания в середине 1920-х. Для центра Европы она стала второй волной тяжелых проблем. Как их решать — общего рецепта не было. Зато был большой шанс для европейских популистов, включая фигуры самого зловещего толка.

В наше время экономические уроки Великой депрессии пришлись как нельзя более к месту. Ответ на биржевой и банковский крах 2008 года, а затем

1914–1918 Первая мировая война, положившая конец европейским континентальным империям. Революция в России.	**1978** Начало реформ Дэн Сяопина. **1988–1991** Коллапс СССР и соцлагеря.
1918–1924 Версальский мир. Волна изоляционизма в США. Тяжелый экономический период в континентальной Европе, в Германии и бывшей Австро–Венгрии; коллапс государства в Германии. Гражданская война в бывшей Российской империи.	**1991–1999** Становление «однополярного мира». Наступление глобализации. Тяжелый экономический период в бывшем СССР и некоторых странах соцлагеря. Коллапс государства в России.
1924–1929 Найдено решение для ряда проблем континентальной Европы. Возрождение экономики Германии, массированные инвестиции из Великобритании и США в Германию и бывшую Австро–Венгрию. В Италии — приход к власти Муссолини.	**2000–2008** Найдено решение (?) для ряда мировых проблем: расцвет глобализации, особенно финансовой. Массированные инвестиции в развивающиеся рынки. **2003** — вторжение коалиции во главе с США в Ирак, де–факто начало серьезной дестабилизации Ближнего Востока, ухудшение международного имиджа США.
1929 и далее Начало Великой депрессии. **1931** — распространение Великой депрессии на Европу (кризис немецких банков, отток средств инвесторов и т. п.) Новая волна протекционизма в мире. Вторжение Японии в Китай. Индустриализация и милитаризация СССР.	**2008 и далее** Начало Великой рецессии. Уроки Великой депрессии в основном выучены: протекционизма пока нет на повестке дня. Кейнсианский ответ на рецессию дан немедленно: резкое смягчение денежной политики, взятие государством на себя плохих долгов и т. п. В 2011–м Великая рецессия распространяется на Европу (кризис юга Еврозоны).
1933 Приход Гитлера к власти в Германии. Европа начинает скатываться к войне. Постепенный крах классического «золотого стандарта». Итало–абиссинский конфликт. Относительно агрессивных тоталитарных режимов: политика умиротворения. Де–факто крах Версальского мира.	**2016** Начало действительно заметного восстановления мировой экономики после Великой рецессии. Пик инвестиций в стартапы, новые технологии. Расцвет криптовалют. Попытка переворота в Турции. Референдум о Brexit. Избрание президентом Р. Дутерте на Филиппинах. Годом ранее — избрание президентом А. Дуды в Польше. (В. Орбан — у власти в Венгрии с 2010 года, Н. Мадуро в Венесуэле — с 2013 года, М. Земан в Чехии — с 2013 года.)
1936–1940 Укрепление в Европе тоталитарных режимов (Германия, Италия, Испания, Португалия). «Зимняя война» СССР, события у Халхин–Гол (столкновение СССР и Японии). Мюнхенский пакт, пакт Молотова — Риббентропа. Начало Второй мировой войны. Формирование «Оси» (1940–1941): Германия, Италия, Япония, Венгрия, Румыния, Словакия, Болгария.	**2017 и далее** Референдум в Каталонии. Референдум о системе власти в Турции. Выборы в Австрии: победа правых. Выборы в Италии: победа правых. Избрание Д. Трампа.

Таблица 1
Важнейшие события в мире в начале XX века и в наше время

2011 года (в Европе; и более поздний ответ на замедление в Китае) был достаточно решительным и продолжительным, но... не устранил фактор нарастания популистской волны, которая, впрочем, проявилась в значительно более мягком варианте, чем 100 лет назад. Зато эта волна более глобальна.

Системные проблемы, вызревшие к моменту начала Великой депрессии — в области политики, экономики, в социальной сфере, — были в основном решены (для западного мира) в результате Второй мировой войны, после нее: США встали в центре капиталистической системы, возглавили ее и задали базовые паттерны поведения в разных областях жизни; теоретические основы преодоления экономических кризисов сделали большой шаг вперед; золотой стандарт заменен Бреттон-Вудской системой (похожей на него, но иной); образован общий рынок для главных рыночных экономических центров; начался экономический рост, основанный на росте благосостояния конечного потребителя, и так далее.

Сегодня решение системных проблем, проявившихся в ходе Великой рецессии, все еще отложено — в том числе благодаря выученным урокам Великой депрессии, помогшим смягчить симптомы болезни. Вот по этой причине, по всей видимости, и следовало ожидать повторения «предвоенной» (как бы это угрожающе ни звучало) фазы развития событий прошлого века, параллели с которыми мы ищем: наступления популизма.

Предвоенной фазы? Стоит ли так называть, обобщая, указанные выше события?

В различиях с началом XX века — абсолютное сегодня ресурсное и военное доминирование США, которым теперь нет никакой необходимости переправляться через большую воду к негостеприимному берегу Нормандии, а также расплывчатость интересов, высокая неточность географического и иного позиционирования обеих возможных сторон конфликта. Этим конфликтом пронизаны, прочерчены в разных направлениях общества внутри и снаружи, и понятную, однозначную линию фронта провести непросто.

Кто с кем будет воевать, кто против кого — не в метафизическом, а в совершенно конкретном, материальном смысле? Единственный сопоставимый по ресурсам с начавшим закипать изнутри атлантическим блоком полуавторитарный Китай как-то не годится на роль «новой Оси». ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация) и прочие ближневосточные экстремисты, включая даже отдельных страновых игроков, чем дальше, тем более оказываются замкнуты внутри своего региона.

Возможная «Ось» сегодня весьма условна. Она гибридно исчезает в воздухе, словно улыбка чеширского кота, чтобы там и тут явить свою гримасу без тела вновь: в виде избрания новых популистских вождей, разрушительных референдумов, временных союзов, пропагандистских атак, проникновения коррупции, шантажа и тому подобного. Можно сказать, что она — везде и нигде. Это не слишком уловимый противник, нацеленный не столько на победу, сколько на отрицание, на энтропию. Это много фронтов сразу. И эта ситуация все еще развивается.

Серьезная перемена социально-экономических парадигм, обычно происходящая вкупе с технологическими, по-видимому, не может пройти вовсе безболезненно — что в XX, что в XXI веке.